

Всё для братьев

The Builder, март 1922 г.

Я зашел в зоомагазин купить себе канарейку, и там он впервые заговорил со мной и посоветовал взять птичку поскромнее оперением.

- Цвет — он от кормления зависит, - сказал он. - Если не знаете, чем кормить, он и сойдет весь. Уж извините, но я канарейками много занимаюсь. - И вышел. Я даже не успел поблагодарить его.

Это был человек средних лет с сединой в волосах и короткой темной бородкой, похожий на силигем-терьера в серебряных очках. Уж не вспомню почему, но я запомнил его лицо и голос, и поэтому, через несколько месяцев столкнувшись с ним на мостках, до отказа забитых членами клуба рыболовов, спускавшимися к Темзе, узнал его, обернулся и кивнул.

- Спасибо за совет, тогда, насчет канарейки, - сказал я. - Я им воспользовался.

- Правда? - радостно переспросил он через лежащую на плече удочку. - Отлично! - И толпа оттеснила его от меня.

Где-то через год я заглянул в табачную лавку прочистить намертво забившуюся трубку.

- Так-так-так! И как там ваша канарейка? - воскликнул человек за прилавком. Мы пожали друг другу руки и одновременно продолжили: - А как вас зовут?

Его звали Льюис Холройд Берджес из «Берджес и Сын», как я, наверное, уже прочел на вывеске, но сын погиб в Египте. Борода у него, казалось, еще почернела, а волосы еще побелели по сравнению с тем, что было, и глаза немного запали вглубь.

- Так-так-так, - продолжил он. - Надо же, один человек на миллион встречается снова и снова чудесным образом, а остальные вот не встречаются, да? (Потом он рассказал мне, что его сын Льюис погиб и почему его окрестили Льюисом.) Когда человек в годах, что ему остается? Не так и много. Разве что хобби. - Он перевел дыхание. - Мы рыбачили вместе. Ну и с канарейками то же самое. Мы их разводили по цветам, добивались темно-оранжевого окраса. Я потому с вами и заговорил тогда, если помните. Но я всех птичек распродал. Так-так-так. Ну что ж, давайте посмотрим, что у вас там с трубкой.

Он склонился над моей трубкой и приступил к работе уверенными движениями хирурга. В лавку зашел солдат, что-то сказал ему шепотом, выслушал ответ и вышел.

- Ко мне сейчас много солдат ходит, и кое-кто из них принадлежит к Цеху, - сказал мистер Берджес. - У меня сердце разрывается, когда приходится продавать им этот табак. С другой стороны, из пяти тысяч и один-то человек вряд ли по-настоящему знает толк в табаке. Бывает, что разбираются, да, но толка в нем не знают. Вот ваша трубка. Вы бы за ней получше ухаживали, чем раньше. Она того стоит. Во всяком деле нужна последовательность, нужен ритуал. Как будете мимо проходить, пожалуйста, заходите, всегда буду рад. У меня всегда найдется пара вещей, которые вам могут быть интересны.

Я вышел из магазина, и в груди у меня теплилось чувство, свойственное почти исключительно юности — чувство, что у меня появился друг. Не успел я отойти от двери и пары шагов, как меня окликнул инвалид, спросивший, где тут лавка Берджеса. Кажется, в округе это место пользовалось популярностью.

Потом я снова зашел туда, и еще раз, но только придя в третий раз, я узнал, что мистер Берджес владеет половиной «Экман и Пермит», процветающего предприятия по импорту сигар, перешедшей ему от дяди, чьи дети сейчас живут чуть ли не на Кромвель-роуд. Он сказал, что дядя был из биржевиков.

- А я по призванию лавочник, - продолжал он. - Мне нравится сам ритуал, нравится держать вещи в руках, продавать. Магазин всегда приносил какую-то прибыль, и мне нравится жить своим магазином.

Лавку открыл его дед в 1827 году, но тогда она была совсем другой. Полвека спустя сделали ремонт, и уже потом ничего не меняли. Бурые и красные банки для табака в листьях и пудре с коронами, клеймами и тисненными золотом названиями давно позабытых смесей, полированные табачные бочки «Ороноке», на которых сживали

завсегдатаи, темно-вишневый тяжелый деревянный прилавок, изящные полки, сигарные ящики с узорами, выложенными из тростника, мельхиоровые весы и голландские латунные пестики и секаторы, - настоящая сокровищница.

- А ведь смотрят, да? - заметил он. - Вон та большая банка «Бристоля» — вообще единственная в своем роде, насколько я знаю. А вон те восемь баночек для нюхательного табака на третьей полке — это от Доллина, он работал у Уимбла в 40-е годы XVIII века — таких тоже больше не осталось. Вот скажите мне, кто еще из табачников помнит, что такое голландский табак от Романо? Или кто такие Шолтен и Джон Лейн? А вон там — табачная меленка времени Георга Первого, а там — Людовика Пятнадцатого. Да что это я? Тринадцатого, тринадцатого, конечно! В них растирали табак, чтобы получалась совсем мелкая, тончайшая нюхательная пудра. Без них в лавке во времена моего деда не обходились. А на кого все это оставить, ума не приложу — разве что отдать в Британский музей.

Свои трубки — жаль, что не каждый способен их оценить — свои удивительные трубки он хранил в комнате за лавкой, что послужило мне поводом познакомиться с его женой. Однажды утром я снова с завистью осматривал один из его сигарных шкафчиков жакарандового дерева с серебряными замочками и коваными ручками испанской работы, когда в дверь, нарушая нашу уютную идиллию, вошел раненный канадец.

- Ну так, - громко начал он. - Тут у вас верное место?

- Кто дал вам адрес? - спросил мистер Берджес.

- Один человек в Мессине. Но не в том дело. У меня ничего нет: ни дипломов, ни патентов, ничего. Понимаете, я остался леже должен по взносам семнадцать долларов. Но тот человек в Мессине сказал, что здесь меня пустят и так.

- Ну да, пустят, - сказал мистер Берджес. - Мы собираемся сегодня в семь вечера...

Лицо у незнакомца вытянулось:

- Черт, я же в госпитале лежу, меня не выпустят.

- ...А еще по вторникам и четвергам в три часа дня, - быстро добавил мистер Берджес. - Но вас сначала подвергнут опросу, конечно.

- Ну в этом-то, я думаю, не оплошаю, - раздался радостный ответ. - Ну, до вторника, значит. - И он, сияя, заковылял прочь.

- Кто это такой? - спросил я.

- Я его знаю не больше вашего. Просто судя по всему, он — брат. В Лондоне сейчас полно масонов. Так-так-так. Всем сейчас приходится несладко. Если зайдете вечером на чай, я потом возьму вас с собой в ложу. Будет ложа наставления.

- С радостью. А что за ложа? - Ведь он до сих пор так и не назвал мне ее.

- «Вера и Труд» № 5837, третья суббота каждого месяца. Вообще-то у нас официально собирают ложу наставления каждый четверг, но теперь мы собираемся все вместе почаще, потому что в городе очень много братьев, и у нас наплыв посетителей.

Тут в лавку зашел покупатель, и я оставил мистера Берджеса, и всю дорогу до дома меня не оставляли мысли о разнообразии его увлечений.

К чаю он разделся как в церковь, и заменил очки в серебряной оправе золотым пенсне. Я мысленно возблагодарил небеса за то, что сообразил переодеться во что-то приличное.

- Да, Цех нам многое дает, - заявил он. - Любой ритуал укрепляет. У людей есть естественная потребность в ритуале. И когда все вокруг летит в тартарары, люди льнут к нему. Я терпеть не могу, если ритуал исполняют небрежно. Кстати, ты не против помочь при опросе, если сегодня будут посетители? Они наверняка будут путаться, но ведь дело не в букве, а в духе, который животворит. Посетителям сейчас уделяют очень много внимания: ты же видишь, сколько их теперь в Лондоне. А приходиться им буквально некуда.

- Какой же ты милый! - сказала миссис Берджес, передавая мужу папку и футляр для фартука с инициалами.

- Ложа за углом, - продолжал он. - Только не возмущайся особо по поводу убранства. Там раньше был гараж.

Насколько можно было разобрать в этой унижительной темноте, мы прошли мимо конюшен и оказались во внутреннем дворике. Мистер Берджес неумолимо влек меня вперед, по пути беспрестанно извиняясь и оправдываясь за все, что мне предстояло претерпеть.

- Ты уж не жди... - продолжал он что-то говорить, когда мы наконец уперлись в дверь и, открыв ее, прошли в аккуратное преддверие, завешенное репродукциями картин на масонские темы. На почетных местах я увидел портреты Питера Гилкса и Бартона Уилсона — отцов системы Эмулейшен, а еще портрет Кристофера Рена работы Кнеллера, тот, где он изображен с вензелем Фитц-Джорджей и левой перевязью королевского герба; еще там был шарж Хогарта на Гилкса и его же издевательская «Ночь», а также галерея Великих Мастеров от Энтони Сэйера и по сей день, в симпатичных рамках.

- Это тоже твоё хобби? - спросил я.

- Это — нет, - улыбнулся он. - За это надо благодарить брата Лемминга.

Он тут же и представил меня старшему партнеру «Лемминга и Ортона», чей грязный крошечный магазинчик и не найдешь, даже если захочешь, но чья слава и чьи слова зато бегут далеко впереди своих хозяев.

- Рамки в этих картинках — лучшая часть, - ответил на мои похвалы брат Лемминг. - В храме еще есть. Пойдем, посмотришь. Там у нас большой Дезагюлье висит, его у нас чуть в Айову не забрали.

В жизни своей я не видел лучше оборудованной ложи. От мозаичного пола до потолочного узора, от занавесей до колонн, от скамей до светильников, от Востока до небольшого резного возвышения для физгармонии на Западе, - все было совершенно до мелочей, в деталях и в общем замысле. И я не стеснялся снова и снова говорить обо всем увиденном то, что думаю.

- Я же тебе говорил: я ритуалист, - сказал мистер Берджес. - Ты только посмотри на резные колосья на спинках кресел Стражей. Так в ложах раньше делали, пока мебельные фабриканты все не испортили. Я их десять лет назад раздобыл у Степни, вместе вот с этим молотком. - Молоток был старинный, из пожелтевшей слоновой кости, явно выпиленный целиком из одного большого бивня. - С Золотого Берега, - добавил он, - из полевой ложи, 1794 года. Видишь надпись?

- Если, конечно, не секрет... - начал я.

- Это всё нам влетело... - с расстановкой произнес брат Лемминг, заложив пальцы в проймы жилета, - в кругленькую сумму в 1906-м, когда мы приступили к строительству. А еще и подрядчик наш, брат Анструтер, по пути вышел из дела. К слову сказать, он мне клялся, что вон тот булыжник — это чистый карьерский мрамор. Я-то сам ничего в мраморе не понимаю. Ну а с начала войны мы сюда вкачали еще более кругленькую сумму, о да. Ну, а теперь нам пора в комнату для опросов, там уже братья собрались.

Он повел меня обратно, но не в преддверие, а в комнатку с ним рядом, разделенную перегородками, по виду напоминавшую исповедальню в католической церкви. (Потом мне рассказали, что это и была исповедальня, которую подобрали на свалке у церквушки близ Освестри.) В ней столпилось несколько человек в форме.

- Это только голова очереди, а хвост — в преддверии, - сказал офицер ложи.

Брат Берджес усадил меня в кабинку за перегородку, напоследок дав наказ:

- Ничему не удивляйся. Кто только ни приходит.

Это предупреждение было не лишним, потому что первым испытуемым для меня стал беглый пациент офицерского госпиталя на Пентонвилл-вей с перевязанной головой. Простыми словами, да еще и на шотландском диалекте, он осведомился у меня, не жду ли я слишком многого от человека, у которого осталось всего шесть зубов и половина нижней губы. В итоге мы сошлись на знаках. Потом был новозеландец из Таранаки. С ним все было наоборот, потому что у него была только одна рука, да и та на перевязи. Следующему — огромному старшине из тяжелой артиллерии — я не поверил, уж больно у него все от зубов отлетало, а поэтому перенаправил его к брату Леммингу в соседнюю кабинку, а уж там и выяснилось, что он был у себя в стране Бывшим Окружным Великим Офицером. Последний испытуемый, я думал, совсем сведет меня с ума. Он вообще ничего не помнил.

- Не твоя вина, - в конце концов пробормотал он. - Я б сам себя не впустил с такими ответами. Но вот тебе мое слово: если я вообще во что-то верил, то только вот в это. Ради Бога, дай мне посидеть в ложе, брат.

По окончании опроса офицер ложи обошел всех нас и раздал запоны — никакой бахромы, никаких серебряных нашлепок, лишь атлас с грубыми завязками с кистями и — если смог доказать свое право на них — с жестяными уровнями. Брат передо мной затягивал пояс на напряженно молчавшем человеке в гражданском с шевроном

комиссованного.

- Во-о-от, так-то получше будет, - сказал он. Человек в гражданском кивнул.

- Вот ты где! А ну пошел вон! Ты же обещал! Ну-ка давай отсюда быстро! - воскликнул кто-то рядом и замахал руками ему перед забежавшими глазами.

- Да брось ты, пусть посидит, - вступился за комиссованного тот, кто повязывал ему запон, говоривший с сильным австралийским акцентом. - Ты ж видишь, как он обрадовался.

Судя по всему, это был тот контуженный, которого брат Лемминг все-таки пропустил под честное слово приятеля и — что подействовало на Лемминга больше — под угрозой немедленного припадка, чисто от расстройтва. Тот радостно поспешил в зал собраний, явно привычный к обстановке.

Мы вошли внутрь, колонной по двое, по традиции, под звуки чудной музыки, исполнявшейся, как потом оказалось, на старинном и знаменитом в округе органе. Нас было не меньше пятидесяти, и потребовалось какое-то время, чтобы все расселись, особенно инвалиды, которых было не меньше дюжины — для них принесли и расставили шезлонги. Я сидел между одноногим капралом-военврачом и капитаном территориальных войск, который, по его словам «подрался с миной», чуть не разорвавшей его надвое.

- А недурно органист играет Баха, - заметил он. - Я бы с ним пообщался потом. Я же сам подрабатывал тапером.

- Я вас познакомлю после ложи, - сказал один из местных братьев с заднего ряда, грузный человек с окладистой бородой, как оказалось, окружной врач. - С кем же еще тут обсудить Баха? - И эти двое погрузились в рассуждения о музыке, которые для стороннего слушателя были ничем не понятнее тригонометрии.

В наше время ложа наставления — это, в основном, плац, полигон для упражнений в ритуале. В ней запрещено посвящать профанов и повышать заработную плату, можно только заслушивать зодческие работы и тренироваться в проведении ритуалов. Досточтимый брат Берджес, величественно восседавший на Соломоновом Престоле (впоследствии выяснилось, что его тоже подобрали где-то на свалке), обратился к братьям-посетителям с кратким приветствием, сообщив, как их рады видеть здесь сейчас и всегда, а потом попросил их проголосовать, какую церемонию следует подвергнуть сегодня разбору. После объявления решения он спросил, не желает ли кто-нибудь из братьев-посетителей исполнить обязанности того или иного офицера. Они запротестовали, говоря, что все успели позабыть.

- Вот именно поэтому! - заключил брат Берджес под новые приглушенные бахораскаты органа. Мой капитан-музыкант вздохнул и заерзал на стуле.

- Минутку, Досточтимый сэр, - встал у меня за спиной грузный доктор. - Здесь у нас музыкант, нуждающийся в возможности приложить умение. Да вот только, - продолжил он менее высокопарно, - к органу ведут слишком крутые ступеньки.

- Сколько весит сей брат? - в высшей степени торжественно осведомился брат Берджес.

- Немногим более пятидесяти килограммов, - ответил брат. - Только утром взвешивался.

Бывший Окружной Великий Офицер, он же артиллерийский старшина, борцовской походкой пересек храм, взял этот куриный вес на руки и перенес на помост к органу, где тот уселся и, пока местный органист качал мехи, заиграл, внезапно захватив в плен души всех присутствующих и унеся их в самые небеса.

Когда посетителей наконец удалось заставить занять офицерские места, началась репетиция церемонии. Брат Берджес запретил членам ложи подсказывать. Посетители должны были делать сами абсолютно все, а потом у них отняли и последнюю надежду, отстранив от ритуала артиллерийского старшину как занимающего слишком высокое положение. Тут они совсем запутались. Одноногий справа от меня хохотнул.

- Нравится? - спросил у него врач.

- Нравится? Да я на седьмом небе! Надо же, снова в ложе, я даже начал всё вспоминать, глядя на то, где они допускают промашки. Веры во мне немного, но всю, что есть — я вынес из ложи. - Заметив меня, он покраснел, как бывает, когда понимаешь, что повторяешь одно и то же одному и тому же человеку несколько раз за вечер. - Да, скрытое аллегориями и раскрывающееся в символах, отцовство Бога при братстве людей, а какого черта еще человеку надо? - Он рассмеялся. - Смотрите,

глядите! Они ее всю запутали и узлами затянули. Я б и то лучше сделал, хотя у меня нога осталась во Франции. Да, теперь им, наверное, придется все сначала начинать.

Новый органист попробовал сгладить возникшую неловкость очередным прикосновением к нашим ушам ангельских крыльев.

А когда любительская труппа, краснея и пыхтя, все же закончила, она потребовала, чтобы братья местной ложи теперь показали им пример и проделали все сами с начала. Вот тогда я впервые и понял, что такое отточенный до мелочей в каждом слове и жесте ритуал. По окончании мы все зааплодировали, одноногий капрал – громче всех. Для всех это было настоящее откровение.

- Мы очень гордимся тем, как проводим ритуал, а сейчас у нас еще и отличная аудитория, - прокомментировал доктор.

Затем Мастер прочел небольшую лекцию о смысле некоторых символов и таблиц, изображения которых были в ложе. Тема была изрядно затасканная, но своим глубоким голосом он словно раскрывал ее заново.

- Удивительно, до чего живучи эти старые прописи, - пробормотал доктор.

- Это точно! – украдкой поддакнул одноногий одним углом рта, как школьник на уроке. – Но это те самые прописи, которые нам и в аду на шею навесят. Ты уж мне поверь. Я их в своей жизни столько порвал, что мне можно верить. Тс-с-с! – И он даже подался вперед, чтобы не упустить ни слова.

Между тем брат Берджес коснулся вопроса, который по-разному отражается в ритуале в разных ложах, и попросил братьев поучаствовать в обсуждении.

- Ну вот, например, на Ямайке, Досточтимый сэр... - начал один из посетителей и рассказал, как они делают это у себя в ложе. С разных сторон (и ложи, и мира) разные братья вставали и рассказывали, как принято у них, и когда разгорелась настоящая дискуссия, доктор тихонько передал нам сигареты.

- Вообще-то это нетерпимое нововведение, - пояснил он, обойдя наш ряд и садясь на свободное место капитана-органиста, - но разве может мужчина говорить и при этом не курить? К тому же это всего лишь ложа наставления.

- Да, я за один вечер узнал больше, чем за десять лет! – Одноногий на мгновение отвернулся от стоявшего в центре мрачного прапорщика в шпорах, который рублеными фразами излагал особенности голландского ритуала. Поднялся сизый дым, беседа оживилась, а орган с возвышения тихо благословлял нас всех.

- Просто восхитительно! – сказал я доктору. – Как вам это вообще удалось?

- Все пошло от брата Берджеса. Когда началась война, он стал заговаривать с покупателями, забегающими к нему в лавку. И потом он рассказывал нам, вечно сонным, что ничего люди так не хотят, как посидеть в ложе, просто посидеть и порадоваться, вот как мы с вами сейчас. И оказался прав. Он почти всегда прав. Война многому нас учит. Ложа для человека значит гораздо больше, чем принято думать. Как правильно заметил наш друг справа, иногда бывает так, что масонство – это единственная практическая вера, которая у нас есть, не считая детства. Пусть это звучит банально, но ведь правда, что оно соответствует всему, что мы считаем хорошим и правильным. – Он вздохнул. – А если эта война не показывает всем людям, что они братья, то... то я тогда ганс.

- А откуда к вам приходят посетители? – спросил я.

- Ну, по просьбе Берджеса, я сказал паре ребят в госпитале, что у нас будет ложа наставления и мы будем рады их там видеть. Они и пришли. А потом рассказали своим товарищам. И те тоже пришли. Это было два года назад, а теперь у нас ложа наставления по два раза в неделю и еще дневные репетиции почти каждые вторник и четверг для тех, кто не может отпрашиваться по вечерам. Да, все это так удивительно. Я и понятия не имел, что Цех столько значит для многих во время войны.

- Я тоже, - признался я.

- Но ведь это естественно, если вдуматься. В Лондоне сейчас, да и во всей Англии, собрались масоны со всего мира, и им некуда податься. Сами смотрите: в неделю у нас в последние четыре месяца бывают в среднем сто сорок посетителей, делим на четыре, и это значит – по тридцать пять братьев за раз. В реестре у нас семьдесят один человек, а на банкеты собираются и восемьдесят четыре. Так что, как видите, у нас тут полна горница людей.

- Еще и банкеты! – воскликнул я. – Они же, наверное, влетают вам в копеечку. А могут братья-посетители...

Доктор рассмеялся:

- Нет. Посетители – не могут.

- Но ведь проведя такой вечер, как сегодня, человек может захотеть...

- Они все так говорят. Никакого с ними сладу. Именно это они всегда нам предлагают, а мы всегда отказываем, а они обижаются.

- Отказываете?

- Дорогой мой, ну чем это тогда кончится? Не могут же они все остаться на банкет?

Ну, скажем, сто ужинов в неделю, пятнадцать фунтов, в месяц – шестьдесят, в год – семьсот двадцать. Разве Лемминг с Ортом столько потянут? А Эллис и Макнайт – видишь там такого длинного худого – они поставщики провизии? А Берджес, как ты думаешь, когда устанет выписывать чеки? Копить-то ему уже особенно не для кого. И у Анструтера то же самое. Ты не думай, если нам что-то нужно, мы не стесняемся просить посетителей помочь, если для работы. Ты же заметил, как мы содержим ложу – все эти литые ручки, подвески, мебель и так далее.

- Не мог не заметить, - подтвердил я. - Порядок, как на корабле, с пола есть можно.

- Ну зайди сюда как-нибудь в будний день посреди дня, гарантирую, увидишь с полдюжины братьев, которые ползают тут на карачках, чистят, моют, натирают все, до чего дотянутся. Я весной вылечил тут контуженного одним лишь тем, что поручил ему следить за подвесками. Он, конечно, чуть номера с них не стер, но зато хоть перестал стрелять по гансам во сне. А если нам нужен человек, чтобы занял престол на Востоке, - ведь по двое дневных работ наш Мастер не выдержит, - у нас выбор из Бывших Досточтимых со всего мира. И кстати, в доминионах оттачивают ритуал гораздо лучше, чем в среднем по Англии, ты это знал? И еще кстати... ой, мы, кажется, закрываемся. Послушай приветствия. Бывает интересно.

По удару молотка мы встали: снова последовали шум и шорох с первых рядов, где сидели инвалиды. Затем артиллерийский старшина хорошо поставленным голосом передал приветствия ложе «Вера и Труд» от братьев своего тропического округа. За ним говорили другие и разными голосами – от рева до писка. Я услышал названия «Хаураки», «Иньян-га-Умбези», «Алоха», «Южный Свет» (откуда-то из Пунтас-Аренас), «Ложа Грубого Камня» (представлявший ее ньюфаундленский брат так и выглядел), две или три какие-то там «Звезды», с полдюжины кардинальных добродетелей в разных сочетаниях, территориально расположенных от Клондайка до Калгурли, какая-то полковая ложа с какого-то фронта (ее представлял мой знакомый с перевязанной головой, и я ничего не понял), - и далее везде, разнообразно и запутанно, как сама Империя. В самом конце поднялся шум в задних рядах. Заерзал брат, который до сих пор все время молчал, и его сосед пытался его успокоить.

- Оставь, оставь его! - профессионально резким окриком остановил его доктор, мой сосед. Молчаливый брат дернулся, встал и наконец выпалил что-то нечленораздельное, что не смог перевести даже его приятель. Но тут вперед протиснулся маленький смуглый Бывший Досточтимый Мастер.

- Все в порядке, - сказал он. - Он просто пытается произнести... - И он пророкотал какое-то валлийское слово длиной с ярд. Он пояснил: - Это значит Пемброкские доки, Досточтимый Сэр. У нас и в Уэльсе живут хорошие братья-каменщики. - И молчаливый брат снова кивнул.

Доктор и бровью не пошевелил:

- Бывает. *Hespere panta fereis*, не так ли? Звезда ведет их домой. Надо будет разузнать потом, что с этим парнем такое. Я знаю, вам музыка безразлична, - продолжил он, - но боюсь, придется еще немного потерпеть. Сейчас будет парафраз из Михея, наш органист переложил его для исполнения антифоном на два голоса, мы и поем вместо закрытия работ.

То, что последовало затем, смог оценить даже я. Мелодию вели около полдюжины хорошо поставленных голосов, на два голоса, словно спрашивая и отвечая, пока наконец на последних строках к ним не присоединились все.

*О, человек! реку тебе – добро
Есть то, к чему Господь тебя призвал,
Он тебе слушать совесть завещал,
Творить лишь справедливость и закон,
И милосердьем славить его Трон,*

*Ходить пред Ним смиренно и мудро,
Как всякий вольный каменщик обязан.*

Потом спели еще под тихий аккомпанемент Песнь Ученика, и я заметил, что члены ложи не снимали облачения, пока не пропели:

*И короли, и герцоги, и принцы
С мечами все готовы распротиться.*

Потом они стали медленно переходить в преддверие, где уже были накрыты столы, под звуки финала:

*Самый почтенный закон наш от века:
Вовсе не в месте почет человека.*

Брат, оказавшийся моим соседом за столом, приземистый священник, рассказал, что это был «забавный обряд, который кто-то выдумал, уж не вспомню, кто именно», под вдохновением от некой старинной легенды. И вообще, добавил он, масонство представляет собой нечто вроде «интеллектуальной абстракции». Офицер-инженер не согласился с ним и рассказал, как в прошлом году во Фландрии десять-двенадцать братьев провели ложу на руинах церкви, и кроме сотни грубых камней и символов бренности бытия человеческого, другой мебели там не было.

- Я думаю, вам это пошло только на пользу, - не растерялся священник. - Достаточно одной идеи, без реквизита.

- А я вот так не думаю, - возразил офицер. - Нам стоило большого труда сделать облачения из обрывков обмундирования и маскировочной материи, которые удалось стянуть, а клейноды мы отлили из ржавого металла. Я храню их у себя, они скрасили нам не одну неделю.

- Но вы же были абсолютно иррегулярны и незаконны. У вас хоть был патент? - спросил брат из полковой ложи. - Великая Ложа должна вас...

- Будь у Великой Ложи хоть капля мозгов, - вмешался рядовой через три места от нас, - она бы выдавала полковым ложам во фронтовой зоне патенты с правом перемещения и приставляла бы к ним первоклассных лекторов.

- И что, посвящать ты тоже стал бы всех подряд? - спросил сварливый шотландец.

- Ну если бы попросили... Да пол-армии сразу же вступило бы.

Он покрутил эту идею под тем углом и под другим, и как ни крути, выходило, что при таком притоке новых членов Великая Ложа только радовалась бы доходам.

- Мне тут подумалось вдруг, - задумчиво обронил офицер-инженер, - а ведь я могу разработать полный комплект оборудования для полевой ложи весом меньше сорока фунтов.

- Ошибаешься. Точно тебе говорю. Мы как-то попробовали, - ответил брат из полковой ложи. И они погрузились в расчеты, каждый в своем блокноте, переключаясь через стол.

Сам же «банкет» был сама простота. Многие ели в спешке, торопясь обратно в госпиталь, но из окружающего полумрака тут же выдвигался еще кто-то из братьев, чтобы занять освободившиеся места. Заходили и те, кто бывал здесь раньше и не нуждался в предварительном опросе. Вбежал и еще один - в каске, португее, ботинки во фландрской грязи, - только что с поезда.

- У меня пересадка здесь на два часа до следующего поезда, - объяснил он, - я и вспомнил, что у вас тут собрание. Боже мой, вот повезло!

- А откуда и куда ты едешь, когда поезд? - спросил священник и получил подробный ответ. Потом он снова обратился к солдату: - Отлично, так что будешь есть?

- Да что угодно. Все подряд. Я теперь до самого Фолкстона на сухом пайке.

Минут десять он набивал живот, не проронив ни слова. А потом, все так же молча, внезапно упал лицом на стол рядом с тарелкой. Священник, ничуть не удивившись, поднял его за ослабевшую левую руку и отвел на кушетку, где солдат немедленно развалился и захрапел. Никто и не обернулся.

- Вы к этому тоже привыкли? - спросил я.

- Ну а почему нет? - ответил священник. - Сегодня моя очередь будить их всех на

поезд. У нас строго, в сутане ты, не в сутане – а будь добр неси дежурство.

После этого он снова повернулся ко мне своей широкой спиной и вернулся к обсуждению с братом из Абердина какого-то положения из работ Митилена, позволившего ему развить совершенно новый взгляд на Откровение Святого Иоанна на Патмосе.

А я попал в лапы старшего сержанта пулеметной роты, дамского портного по профессии. Он сообщил мне между делом, что «английские дамы столько же теряют на корсетах, сколько приобретают на других деталях туалета» и что «сам сатана не спасет женщину, которая носит тридцатишиллинговый корсет под сорокафунтовое платье». Но тут, к моему огорчению, его взял за пуговицу и отвел в сторонку лейтенант его же собственной роты, и он в одно мгновение снова превратился в сержанта.

Я немного походил по преддверию, разглядывая репродукции на стенах и реликвии в застекленных витринах, вполуха прислушиваясь к гулу беседы за столом. Компания мало-помалу редела, пока не осталось всего с дюжину братьев. Мы сдвинули стол и пересели к камину, пока наша фландрская птичка свистела на кушетке в дыру в своей каске, упавшей на лицо.

- Ну как тебе? – спросил доктор.

- Целый новый мир, - честно ответил я.

- Так и есть. – Брат Берджес убрал золотое пенсне в футляр и снова водрузил на нос серебряные очки. – То есть если немного поднапрячься, именно так и получается. Когда подумаешь, какие возможности открываются здесь перед Цехом, уму непостижимо... - Он уставился на огонь.

- Это точно, - согласился старший сержант задумчиво, - я, в целом, наверное, соглашусь. Масонство может очень многое.

- Как вспомогательное учреждение, но не как замена религии, - вмешался священник.

- Да Господи! Оставь религию в покое на минутку, - пробормотал врач. – Она-то как раз ничем не помогла. Ну извини, извини, извини.

Священник надулся.

- Камрад! – воздел руки мудрый старший сержант. – Конечно, это не замена религии, но ведь это настоящий план на жизнь. Поглядев на то, что творится на фронте, я теперь в этом убежден.

Брат Берджес отвлекся от своих размышлений:

- В Лондоне нужно открыть еще дюжину... даже двадцать лож, чтобы работали каждый вечер, и не только лож наставления, но и чтобы проводили посвящения. Ведь столько молодежи стремится вступить. Почему же они не могут этого сделать? Они делают всё то, чему мы все время учим. Так-так-так, ну а почему бы нам не сделать то, что мы можем? Какая польза от старого масона, если он не помогает молодым?

- Точно! – сказал старший сержант и повернулся к доктору. – А какая, к черту, польза от брата, если ему не дают помочь?

- Ой, ну пусть будет по-твоему, - устало кивнул доктор. Судя по всему, тот уже несколько раз подходил к нему. Он взял что-то из рук старшего сержанта и положил в карман, снова кивнув. Потом он шепнул мне: - Я был неправ, хвастаясь тебе нашей независимостью. Иногда им удается настоять на своем. Вот на это, - он хлопнул себя по карману, - мы поедим в четверг. Хотя обычно на дневных работах мы никого не кормим. Сюрприз будет. Ты не стесняйся, главное – попробуй вон тот сэндвич, с ветчиной, они самые вкусные. – И он подвинул ко мне тарелку.

- Согласен, - ответил я. – Я уже попробовал, штук пять или шесть съел. А потом упустил их из виду, спасибо.

- Рад, что тебе нравится, - раздался голос брата Лемминга. – Я ж их сам кормил, сам лечил... они росли у меня на ферме в Беркшире. Вот этого, например, звали Шарлемань. Кстати, док, мне на следующий месяц привезти еще одного такого же?

- Само собой, - с набитым ртом ответил доктор. – И пожалуйста, немного пожирнее этого. И еще не забудь, что обещал привезти каперсов. Они идут просто нарасхват.

Брат Лемминг кивнул сквозь клубы дыма своей трубки и не спеша приступил ко второму ужину. Между тем священник бросил взгляд на часы, мгновенно выхватил у меня прямо из-под носа с полдюжины сэндвичей, завернул их в промасленную бумагу и осторожно подкрался к спящему на кушетке.

- С ними нужно быть настороже каждый раз, - пояснил доктор. – Кто ж знает, как он

будет просыпаться. Нервы, знаешь ли...

Священник на цыпочках пробрался к кушетке и встал за головой солдата, вытянул руку и постучал костяшками пальцев по каске, закрывавшей его лицо. Спящий подскочил, как на пружинах, и начал спросонья шарить вокруг руками в поисках винтовки, а священник отпрянул назад.

- У тебя полчаса до поезда. – Священник передал ему сэндвичи. – Давай, шагай.

- Вы все так добры, большое спасибо, - говорил солдат, затягивая негнущуюся портупею. Он отдал честь и пропал во тьме.

- Он кто такой? – спросил Лемминг.

- Да какая разница. Ну не знаю, - равнодушно протянул доктор. – Он тут уже бывал. Какой-то Бывший Досточтимый откуда-то там.

- Так-так-так, - сказал брат Берджес, клюя носом. – Все сделали что могли. Закрывать не пора?

- Интересно, - сказал я, застегивая пальто, - а что будет, если Великая Ложа прознает, что у вас тут творится?

- А что? – поинтересовался Лемминг.

- Ложа наставления открывается три раза в неделю по вечерам и два раза по утрам в ту же неделю, а также в ней едят и спят. Неплохо, конечно, но что-то не припомню такого у нас в регламенте.

- А никто просто не обсуждал еще, - ответил Лемминг, подумав. – После войны обсудим и утрясем. А пока пусть все идет как идет.

- Их же сотни и сотни, - продолжал брат Берджес по дороге домой. – Лондон просто кишит масонами, и им совершенно некуда идти, негде собираться. Ты только подумай, какие открываются возможности! Подумай только, как само масонство могло бы что-то делать для развития масонства по всему миру! Не подумай, что я брюзжу, но мне иногда кажется, что Великая Ложа проворонила свой шанс, появившийся во время войны, точь-в-точь как и Церковь.

- К счастью для нас всех, брат Тамворт отведет того парня на Кингс-кросс, - сказал брат Лемминг. – А то бы тебе пришлось. Тамворту тоже непросто, он же все время обязан думать, соответствуем ли мы масонским законам. Думается мне, он со дня на день на нас настучит. – Доктор и Лемминг обернулись. – Ну, спокойной ночи.

- Да-да, спокойной ночи. – Брат Берджес взял меня под руку: - На чем я остановился? Ах да, точь-в-точь как Церковь. Но может быть, это просто я такой прожженный ритуалист...

Я ничего не ответил. Я размышлял, как бы мне опередить брата Тамворта и тщательно, обстоятельно настучать на ложу «Вера и Труд» № 5837.